

Недавно прошёл дождь, земля еще не просохла. Солнце пряталось за тучами, лишь слабо рассеивая свет вокруг, а налетевший ветер отдавал сыростью и холодом.

Щёки Фэн Ли покраснели от мороза. Он намеренно оделся легко и теперь дрожал на пронизывающем ветру, оглядывая эту школу. Условия и обстановка здесь оставляли желать лучшего: старый обветшалый учебный корпус, покрытые мхом белые стены — всё дышало какой-то убогостью.

И территория была намного меньше, чем в его собственном университете, — всё здесь казалось хуже. В душе он презирал Лян Циншэна за то, что тот учится в такой дыре, но почему-то забывал, что сам приехал в это пресловутое убогое место исключительно из-за него.

Фэн Ли и Цинь Цзыжуй были здесь впервые и даже не могли отыскать общежитие, не говоря уже о том, что Фэн Ли понятия не имел, в каком именно корпусе и комнате ему предстоит жить.

Цинь Цзыжуй уже подумывал о том, чтобы повернуть назад, но, обернувшись и встретившись взглядом с этими жалобными, полными слез глазами, почувствовал жалость. Тяжело вздохнув, он предложил:

— Давай у кого-нибудь спросим.

— Угу, давай, — послушно кивнул Фэн Ли.

Опросив человека четыре-пять, они действительно смогли найти нужное место.

Парень был одет в баскетбольную форму, с него градом катился пот, а короткие рукава обнажали крепкие плечи. Выглядел он жизнерадостным и лучезарным. Звали его Мэн Хэ, он был в хороших отношениях с Лян Циншэном и часто играл с ним в баскетбол.

— А, братец Лян? Знаю, он в шестом корпусе. Давайте я вас провожу, я живу как раз по соседству с ним, — широко улыбнулся Мэн Хэ, и его восемь белых зубов ослепительно блеснули.

— Ой, спасибо большое, — наперебой поблагодарили они.

Мэн Хэ, вертя в руках мяч, окинул обоих оценивающим взглядом и спросил:

— Кто из вас к братцу Ляну?

— Я, я, я, это я. — Почувствовав на себе его прямой взгляд, Фэн Ли немного смутился. Отвечая, он даже поднял руку, выглядя по-детски наивным и невероятно милым.

Мэн Хэ усмехнулся:

— Ты тот самый парнишка брата Ляна из университета, да?

Щёки Фэн Ли вспыхнули еще сильнее. Встретившись взглядом с его смеющимися глазами, он едва сдерживал смущение, чувствуя, как влажные от слез глаза начинают гореть, и тихо пробормотал:

— Да...

— Братец Лян души в тебе не чаёт. Бывало, встретим по дороге каких-нибудь красоток, заговорим, а он только и твердит: «Всё равно она не такая белокожая, как мой парень», — поддразнил Мэн Хэ.

— Он вечно мелет чушь... — откуда Фэн Ли было справляться с подобным? Он всю жизнь панически боялся признаться кому-либо, что он гомосексуалист, прятал это и скрывал, а Лян Циншэн, оказывается, осмелился выставить их отношения напоказ.

В глубине души одновременно шевельнулось сладкое торжество, горьковатое сожаление и раскаяние.

— А ты и впрямь очень красивый. Глаз у братца Ляна что надо, — открытым и дружелюбным тоном похвалил Мэн Хэ.

У Фэн Ли кожа была тонкая, и он снова покраснел.

Вскоре они дошли до комнаты Лян Циншэна. Мэн Хэ постучал за них в дверь и, не дожидаясь, пока откроют, громко крикнул:

— Братец Лян, к тебе жених пришёл!

Дверь распахнулась не сразу, пришлось немного подождать.

Увидев Люй Гэ, Мэн Хэ заглянул внутрь:

— А где братец Лян?

— Его нет, — недоброжелательно бросил Люй Гэ, а затем бросил косой взгляд на Фэн Ли, отчего его лицо стало еще более мрачным.

От этого взгляда по спине Фэн Ли пробежали мурашки. Сердце упало, породив не самые приятные догадки.

— Ой, какая незадача... — Мэн Хэ был парнем сообразительным, а потому, заметив такой взгляд всегда улыбчивого Люй Гэ, на мгновение нахмурился от недоумения.

Люй Гэ не хотел продолжать разговор и уже собирался захлопнуть дверь. Цинь Цзыжуй, видя это, мгновенно вспыхнул. Он и без того отличался заносчивым нравом и смотрел на студентов колледжей свысока, а тут еще столкнулся с такой бестактностью, поэтому тут же холодно издевательски бросил:

— Ого, а у студентов колледжа-то манеры ниже плинтуса.

Люй Гэ тоже не отличался покладистым характером. Скрестив руки на груди, он с презрением посмотрел на обоих:

— Верно, у нас в колледже манеры именно такие. Но какими бы ни были наши манеры, мы по чужим постелям не шастаем, налево не изменяем, и совесть наша чиста, а жизнь открыта.

Лицо Фэн Ли вмиг побелело, а выражение лица сделалось таким, будто он сейчас расплчется, в глазах заблестели слезы.

Цинь Цзыжуй зыркнул на Люй Гэ:

— Ты что имеешь в виду?

— Спроси своего лучшего друга, — ослепительно улыбнулся Люй Гэ, источая презрение каждой клеточкой.

Фэн Ли от жуткого стыда был готов провалиться сквозь землю, душа его терзалась. Заметив, что Цинь Цзыжуй смотрит на него, он тут же залился слезами и, замотав головой, стал отнекиваться:

— Нет, я не делал этого, правда не делал...

Он выглядел точь-в-точь как несправедливо обвиненная в измене вдова — жалок до крайности.

Цинь Цзыжуй все же верил Фэн Ли: в конце концов, они провели вместе столько времени, и он не мог поверить в клевету какого-то чужака.

Успокоив дыхание, он произнес:

— Раз Лян Циншэна нет, мы пойдём. Но когда он вернётся, передай ему, пожалуйста, что заходил Фэн Ли. Любые недоразумения можно прояснить, а отношения, которые строились больше двух лет, не заканчиваются по щелчку пальцев от одного слова «расстаемся».

Он договаривал эти слова чуть ли не сквозь зубы. Цинь Цзыжуй знал, насколько Фэн Ли раним, и раз уж тот сейчас так горько плакал, то наверняка не смог бы выдать из себя ни звука, а уходить с пустыми руками было нельзя, оставалось лишь говорить за него.

Люй Гэ лишь презрительно усмехнулся, всем своим видом выражая крайнюю степень насмешки.

Заметив, что вокруг собирается всё больше зевак, Цинь Цзыжуй взял Фэн Ли за руку и увлёк за собой.

Мэн Хэ стоял на месте. Люй Гэ бросил на него взгляд, закатил глаза и недовольно проворчал:

— Вот и побывал добрым малым.

— Эй, откуда ж я знал, что братец Лян с ним разругался? Но то, что ты сказал, — правда? Ему и впрямь изменили? — в глазах Мэн Хэ заплескали огоньки сплетника, а взгляд устремился вслед удаляющейся парочке.

— Саньцзы сам своими ушами слышал, неужто станет клеветать? — махнул рукой Люй Гэ. — Ладно, проехали. Считай, что сегодняшнего дня не было, и в другой раз не лезь со своей благотворительностью.

Получив тот звонок, Лян Циншэн чувствовал, как у него в груди колотится сердце — странно и тревожно. Возможно, вчерашнее безумие Цы Ханьсуна оставило слишком глубокий след в его душе, из-за чего он больше не мог воспринимать того как спокойного и здравомыслящего человека.

Купив корзину фруктов, он добрался до указанной Цы Ханьсуном палаты. Не заходя внутрь, он сначала заглянул в приоткрытую дверь, убедился, что там действительно он, и только после этого толкнул дверь. Человек, лежавший на больничной койке, повернул голову и посмотрел на него. С бесстрастным, бледным лицом, в очках, он взглянул на вошедшего холодным и отрешенным взглядом. Казалось, весь он погрузился в состояние глубокой слабости и увядания: губы высохли и потрескались, в руку была вставлена игла капельницы, а над кроватью покачивался флакон с лекарством.

Лян Циншэн машинально нахмурился, и сердце наполнилось чувством вины. Остальные койки в палате пустовали. Он поставил корзину с фруктами на тумбочку рядом с больным, затем придвинул стул и сел подле него.

Цы Ханьсун все это время следил за каждым его движением. В его взгляде читалась полнейшая холодность — он смотрел на пришедшего так, будто перед ним находился совершенно посторонний человек, и в то же время не сводил с него глаз, не моргая.

Если бы тот действительно был посторонним, стал бы он смотреть на него, не отрываясь?

Лян Циншэн с непривычки потер свой короткий ежик волос, поднял глаза и встретился с ним взглядом: у Цы Ханьсуна были узкие и длинные глаза феникса, во внешних уголках которых затаился ледяной холодок.

— Ты как? — негромко спросил он.

— Плохо, — голос Цы Ханьсуна от пережитой лихорадки охрип до ужаса, в нем слышалась болезненная слабость.

— Прости.

Лян Циншэн и сам не ожидал, что все обернется подобным образом. Поступок этот с его стороны действительно вышел неблагоприятным, так что извиняться приходилось само собой разумеющееся.

Сейчас Цы Ханьсун был облачен в больничную пижаму, и даже самое холодное выражение лица теперь казалось хрупким и болезненным. Он отвел взгляд, прикусил губу, посмотрел на окно и глухо произвел:

— Забирайся сюда. Обними меня.

Эти слова прозвучали так легко и невесомо, что, не будь вокруг столь тихо, их вряд ли кто-то расслышал бы.

Поначалу Лян Циншэн не шевельнулся. Брови его слегка сошлись на переносице, а взгляд упал на четко очерченный подбородок и бледное личико больного.

Не дождавшись ответа, Цы Ханьсун отвернулся, забился под одеяло, свернувшись калачиком, и натянул его до самых плеч. Голос его прозвучал хрипло:

— Не хочешь — вали отсюда.

Похоже, он уже раскусил нрав этого парня, который поддается лишь на мягкость, но не на силу — судя по прежним критериям выбора партнера, тот всегда был именно таким.

В голове Лян Циншэна пронеслись бесчисленные мысли; было непонятно, что именно заставляет его сомневаться. Сتمнев лицом, с непроницаемым выражением в глазах под мерное тиканье часов, он в конце концов откинул край одеяла и лег рядом.

Больничная койка была не сказать чтобы просторной, но лежать на ней двум взрослым мужчинам оказалось все же тесновато. Их тела тесно прижались друг к другу, и Лян Циншэн даже не знал, куда девать руки.

В следующее мгновение Цы Ханьсун попытался повернуться к нему лицом. Помня о капельнице в его руке, Лян Циншэн напомнил:

— Осторожнее с рукой.

Движение Цы Ханьсуна на миг замерло, он замедлил темп. Оказавшись лицом к лицу, он уставился на пробивающуюся синеватую щетину на подбородке парня и вцепился пальцами в его воротник.

Лян Циншэн сжал руки в кулаки, уперев их себе в бока; тело его слегка изогнулось. Отрешенный, в серой рубашке, он чувствовал, как тот держит его за воротник, и невольно хмурился, желая заставить его разжать пальцы.

Однако в следующее мгновение его губ коснулись чужие губы, оборвав слова на полуслове.

Ни один из них не закрыл глаза. На столь близком расстоянии Лян Циншэн отчетливо видел подернутые туманной дымкой от высокой температуры глаза. Тот вовсе не собирался углублять поцелуй — он просто хотел прикоснуться, прижавшись губами к его губам.

Теплым и сухим.

Закончив целовать, он вцепился рукой в одежду на талии парня и потащил его ближе к себе, недовольный тем, что они прижались друг к другу недостаточно плотно.

Лян Циншэну волей-неволей пришлось податься ближе.

— Руки. Обними меня за талию, — Цы Ханьсун потерся лбом о его подбородок, практически зарывшись лицом ему в грудь.

Раз уж зашло так далеко, обнять за талию, казалось, уже ничего не стоило.

Лян Циншэн обнял его за талию, и оба они, словно искусно отшлифованные драгоценные камни, плотно пригнались друг к другу. Теперь стук их сердец был слышен отчетливо.

У Цы Ханьсуна покраснели глаза. Они ругались весь вечер: для него это был первый раз, да и для Лян Циншэна тоже. Было бы странно утверждать, что ему ни капельки не больно; позже, когда тот попытался провести между ними четкую черту, ему оставалось лишь пустить в ход жалость к себе.

Утешения, которого он был лишен весь вечер, наконец-то нашло его в этом объятии.

— Лян Циншэн, — он попытался смягчить голос, но тот вовсе не обладал мягким и нежным тембром, как у Фэн Ли. От природы это был глубокий мужской баритон, и подобные попытки вызывали у него странное чувство.

— Мм, — Лян Циншэн прижимал к себе мужчину, с которым познакомился толком всего пару часов назад. На сердце было тяжело, но в то же время он испытывал некоторую беспомощность.

— Ты вчера был такой грубый... — тихо пожаловался он, крепко вцепившись пальцами в его одежду, словно за спасительную соломинку.

— Мм. Я знаю.

Лян Циншэн был полнейшим увальнем, начисто лишенным какого-либо опыта, к тому же ему совсем не хотелось препираться с больным. Пусть говорит что хочет.

— Ты ведь поначалу даже смазку собирался не использовать.

Цы Ханьсун шмыгнул заложенным носом, отчего стал выглядеть еще более жалостливым.

—... — молчание Лян Циншэна.

— Ты что, реально угробить меня хотел? — протянул он с едва заметным капризным оттенком и сбивчивым носовым звуком.

— Нет, я просто не знал, что ее надо наносить, — с обреченным вздохом признался Лян Циншэн, понизив голос: — Для меня вчера все было в первый раз.

Углы губ Цы Ханьсуна невольно дрогнули. В груди его зафыркали и затрещали фейерверки, создавая ощущение, будто уже наступил Новый год.

— Для меня тоже в первый раз, — тихо проговорил он, а затем, словно испугавшись чего-то, тут же добавил: — Помоги мне снять очки, я что-то приморил.

Лян Циншэн на миг замер, отстранился, заглянул ему в лицо и протянул руку, чтобы снять очки. Сразу после этого перед ним открылись два прекрасных глаза, в которых словно колыхался мягкий чистый свет — холодный, но необыкновенно красивый.

Его черные глаза феникса казались еще более леденящими, чем у самого Лян Циншэна.

Он снимал с него очки уже во второй раз.

На сей раз он сделал это очень бережно.

Ложась обратно, Цы Ханьсун снова потянул его руку к своей талии, заставляя прижать его крепче.

— Я спать. У меня еще три флакона, как прокапает один, нажми кнопку, позови медсестру сменить лекарство... — бормотал он с носовым оттенком, явно засыпая и утыкаясь лбом ему в подбородок.

<http://bllate.org/book/21585/2224497>